DOI: 10.17976/jpps/2023.02.09
EDN: CRNPDK

ИНОСТРАННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СУЩНОСТНО НЕОПРЕДЕЛИМОГО КОНЦЕПТА

И.А. Истомин

ИСТОМИН Игорь Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем, ведущий научный сотрудник Центра перспективных американских исследований, МГИМО МИД России, Москва, email: i.istomin@inno.mgimo.ru

Истомин И.А. 2023. Иностранное вмешательство во внутренние дела: проблематизация сущностно неопределимого концепта. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 120-137. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.09. EDN: CRNPDK

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00723, https://rscf.ru/project/22-18-00723/.

Автор благодарит за помощь в подготовке рукописи Д.П. Жабину, выражает признательность редакции и рецензентам за ценные замечания в отношении поданного материала.

Статья поступила в редакцию: 09.12.2022. Принята к публикации: 18.01.2023

Аннотация. Иностранное вмешательство во внутренние дела воспринимается ведущими государствами как значимый вызов безопасности, что способствует росту как исследовательского интереса к этому явлению, так и (с 2000-х годов) числа научных публикаций, обращающихся к проблемам вмешательства. При этом специалисты так и не смогли выработать общепризнанного определения рассматриваемого концепта. Настоящая статья призвана выявить истоки терминологических трудностей. Проведенный анализ показывает, что они не столько лежат в сфере политизации и ценностного оспаривания, сколько обусловлены фундаментальными онтологическими причинами. Концепт "вмешательство" встроен в систему отношений с явлениями, которые остаются неясными, размытыми и изменчивыми. Автор относит его к группе сущностно неопределимых. Как использование такого рода концептов, так и признание допустимости таких когнитивных практик противоречит стандартам понятийной строгости, восходящим к сократической традиции. Вместе с тем оно вписывается в наметившийся тренд отхода от детерминистских картин мира в социальных исследованиях. Проводимый анализ концепта "вмешательство" закладывает основу для последующих теоретических и прикладных разработок. Статья начинается с обоснования значимости проблемы вмешательства с опорой на официальные документы и заявления ведущих государств. Далее рассматривается эволюция подходов к проблеме дефиниций в теории познания. После этого автор систематизирует присутствующие в литературе подходы к определению вмешательства. Анализ выявляет широкий консенсус по поводу рассматриваемого концепта; разбираются источники неясности. Изучение литературы по вмешательству свидетельствует, что сущностно неопределимые концепты обладают рядом эпистемологических преимуществ перед сущностно оспариваемыми, ранее получившими признание в науке. В отношении первых, в отличие от вторых, имеется широкий консенсус в научном сообществе. Такое положение создает основы развития исследовательской программы, посвященной иностранному вмешательству во внутренние дела, в русле конструктивной научной дискуссии.

Ключевые слова: вмешательство, политическое противоборство, понятийная определенность, политизация, сущностно оспариваемый концепт, сущностно неопределимый концепт, политический режим.

Введение

Вызовы иностранного вмешательства во внутренние дела занимают растущее место в дискуссиях по проблемам безопасности с 2010-х годов[1]. Они стали играть значимую роль в восприятии угроз не только малых стран, но и ведущих держав. Опасения относительно вмешательства превратились в источник межгосударственной напряженности. Столь заметное влияние на международную политику подстегивает исследовательский интерес к этому явлению.

Стратегия национальной безопасности России 2021 г. указывает, что недружественные страны пытаются "использовать имеющиеся в Российской Федерации социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества"[2]. Как результат, недопущение вмешательства включено в число жизненно важных задач государственной политики.

Официальные представители других стран демонстрируют схожие опасения. Например, министр иностранных дел КНР Ван И в 2021 г. заявил, что "Соединенные Штаты сознательно вмешиваются во внутренние дела других стран под лозунгами демократии и прав человека. Это породило множество проблем в мире, а в некоторых случаях – турбулентность и конфликты"[3]. Он отметил неприемлемость попыток дестабилизации ситуации в Гонконге, Синьцзяне, Тибете, вокруг Тайваня. Правительство Китая декларировало решимость пресекать такое вмешательство[4].

В свою очередь, Соединенные Штаты обвиняют Россию, Китай и Иран в попытках влияния на американские выборы[5]. Стратегия национальной безопасности США 2022 г. утверждает: "Америка не потерпит иностранного вмешательства в свои выборы. Мы будем действовать решительно, чтобы защититься и не допустить подрыва наших демократических процессов, и мы будем отвечать на будущие попытки вмешательства, используя все имеющиеся инструменты национальной мощи"[6].

Приведенные примеры демонстрируют: схожий алармизм скрывает разные представления о вызовах. В одних случаях страхи вызваны рисками влияния на выборы, в других – стимулированием сепаратизма. Некоторые государства опасаются зарубежного финансирования неправительственных организаций, а некоторые – усматривают влияние внешних сил в пропагандистском

[1] В дальнейшем в статье оно будет обозначаться просто как *вмешательство*.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/ (accessed: 24.01.2023).

[3] Wang Y. State councilor and foreign minister Wang Yi meets the press. *The Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*, 08.03.2021. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/202103/t20210308_9889342.html (accessed 25.11.2022).

[4] См. также: Fact sheet: U.S. interference in Hong Kong affairs and support for Anti-China, destabilizing forces. *The Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*, 24.09.2021. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/202109/t20210924_9580296.html (accessed 25.11.2022).

[5] Foreign threats to the 2020 US federal elections. Intelligence community assessment. *ODNI*, 10.03.2021. https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ICA-declass-16MAR21.pdf; Kultys K. FBI and NSA directors talk election cyberthreats at ICCS. *News.fordham.edu*, 19.07.2022. https://news.fordham.edu/university-news/fbi-and-nsa-directors-talk-election-cyberthreats-at-iccs (accessed 25.11.2022).

[6] National Security Strategy 2022. *The White House*, 12.10.2022. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (accessed: 24.01.2023).

воздействии. Такие различия затрудняют рассмотрение вмешательства как целостного объекта научного осмысления.

В литературе предпринимались многократные попытки выработать генерализуемое определение вмешательства. Их обзор представил, в частности, В.И. Бартенев [Бартенев 2018]. Принимая вывод отечественного специалиста о включении в это понятие различных способов воздействия, было бы упрощением сводить трудности в его определении к спору об инструментах. Более того, широта дефиниции отнюдь не является однозначным преимуществом – растущая размытость содержания делает его нефальсифицируемым.

Настоящая статья призвана углубить понимание вызовов проработки концепта "вмешательство". Она обосновывает отсутствие общепризнанной дефиниции онтологическими причинами, обусловленными неясностью, размытостью и изменчивостью описываемого явления. В результате вмешательство автор относит к разряду сущностно неопределимых концептов, опирающихся на широко утвердившееся в исследовательском сообществе консенсусное понимание, которое не получается конвертировать в строгую дефиницию.

Сущностно неопределимые концепты востребованы, если между специалистами отсутствуют принципиальные разногласия при квалификации отдельных случаев, но они неспособны выработать генерализируемые критерии демаркации понятия. Несмотря на отход от признанных стандартов научной определенности, они стимулируют процессы кумулятивного накопления знаний в ситуациях, когда дальнейшие усилия по уточнению концепта не ведут к приросту понимания значимых явлений[7].

Анализ опыта определения вмешательства закладывает основу для последующих теоретических и прикладных разработок, вносит вклад в систематизацию терминологического аппарата политической науки. Значимость этой работы тем более возрастает ввиду положения изучаемого явления на пересечении международных исследований и сравнительной политологии. Исследование вмешательства расширяет возможности того междисциплинарного синтеза, запрос на который был сформулирован еще в 1990-х годах [Лебедева, Мельвиль 1999; Ильин 2004].

Последующее обоснование вмешательства как сущностно неопределимого концепта разделено на четыре части. В первой рассматривается эволюция подходов к проблеме дефиниций в теории познания. Во второй части систематизируются основные подходы к определению вмешательства. После этого автор выявляет отличия рассматриваемого концепта от сущностно оспариваемых и политизированных понятий, разбирает источники неясности и изменчивости изучаемого явления. В заключительной части отмечаются риски признания сущностно неопределимых концептов.

ПОНЯТИЙНАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ЕЕ ГРАНИЦЫ

Проблема определения понятий – одна из самых острых в науке [Ильин 1997]. Настоящий раздел рассматривает эволюцию подходов к ее решению в истории познания. Демонстрируется переход от попыток исключения противоречий в мышлении к признанию неустранимости разногласий относительно научных концептов. Проводимый анализ указывает на невозможность свести их оспаривание к последствиям политизации дискурса. Он также

[7] О соотношении понятий и концептов см.: [Демьянков 2015: 34-37].

обосновывает потребность в выделении категории сущностно неопределимых концептов.

Требование терминологической определенности утвердилось в качестве основы познания на заре становления научного метода. Аристотель, определяя вклад Сократа, приписывал ему первенство в выработке общих понятий. Аристотелевская "Метафизика" отмечала, что Сократ "искал суть вещи, так как он стремился делать умозаключения, а начало для умозаключения – это суть вещи" [Аристотель 2015: 388]. Аристотель постулировал невозможность познания неопределенных или текучих сущностей [там же: 13, 45, 52, 68, 387]. Такие представления заложили фундамент научной традиции последующих веков[8].

С античных времен определения понятий включают три составляющие. Во-первых, научная дефиниция обозначает место определяемой сущности в отношении более широкого класса явлений. Во-вторых, она раскрывает атрибутивные характеристики изучаемого. В-третьих, она дает представление о границах понятия, выделяя явления, которые под него не попадают. Без этих элементов определение оказывается неполным.

Апологетика понятийной определенности достигла зенита в логическом позитивизме XX в. Его видный представитель Бертран Рассел, определяя задачи философии, утверждал: "самая важная часть заключается в критике и прояснении понятий, которые имеют тенденцию рассматриваться как фундаментальные и усваиваться некритически" [Рассел 1999: 164]. В свою очередь Людвиг Витгенштейн постулировал: "все, что может быть сказано, должно быть сказано четко, а то, о чем нельзя сказать, следует обойти молчанием" [Витгенштейн 2018а: 7].

Вместе с тем категоричность позитивистов вскрыла изъяны понятийного ригоризма. Сам Витгенштейн в поздних работах отмечал дискурсивную обусловленность значений. Он признавал, что слова могут приобретать различные смыслы в зависимости от контекста [Витгенштейн 2018б]. В то же время интересовавшие Витгенштейна "языковые игры" разворачивались в пространстве обыденного общения. Они напрямую не ставили под сомнение стандарты понятийной определенности в исследованиях.

Работавший параллельно с Витгенштейном британский теоретик Уолтер Галли обосновал приемлемость сущностно оспариваемых концептов. Он определил их как языковые конструкты, "надлежащее использование которых неизбежно влечет за собой бесконечные споры об их надлежащем использовании со стороны тех, кто их использует" [Gallie 1955-1956: 169]. К числу сущностно оспариваемых Галли относил концепты искусства, демократии, социальной справедливости. Впоследствии количество примеров расширялось экспоненциально[9].

Галли выделил семь критериев, обуславливающих отнесение концепта к сущностно оспариваемым. В их числе: концепт должен нести оценочную нагрузку, характеризоваться внутренней сложностью, допускать множествен-

[8] Спор о природе понятий занимал центральное место в средневековой схоластике, см. [Душин 2005].

[9] Галли находил сущностно оспариваемые концепты преимущественно в сферах эстетики, политической философии, философии истории и религии в противовес определенности естественно-научного знания. То есть в тех областях, которые преимущественно интересовали Сократа и применительно к которым он стремился выработать общие понятия.

ные описания, оставаться открытым для пересмотра, участники оспаривания должны признавать наличие иных пониманий. Галли также указывал на апелляцию исследователей к общему образцу, обосновывающему единство оспариваемой сущности. Он отмечал прогрессивное значение самого оспаривания, способствующего если не преодолению разногласий, то уточнению интерпретаций [ibid.: 167-198].

Работа Галли стимулировала бурную дискуссию. Критику вызывали, в частности, предложенные им критерии. Например, наличие общего образца, разделяемого участниками оспаривания, ставит под сомнение принципиальность разногласий [Gellner 1967]. Для ряда авторов принятие неразрешимости противоречий в трактовке понятий выступало формой интеллектуального капитулянства, отказа от строгости познания [Kekes 1977]. Тем не менее категория "сущностно оспариваемый концепт" закрепилась в науке [Ледяев 2003; Collier, Hidalgo, Maciuceanu 2006]. А лежащее в ее основе принятие сложности и разнородности хорошо согласовывалось с постструктурализмом конца XX в. В частности, получившие бурное развитие исследования науки и технологии акцентировали противоречивость объекта познания, социальную обусловленность процесса его изучения (см., в частности, [Латур 2013]). В связи с этим Джон Ло утверждал: "Мы нуждаемся в таком способе говорить, который поможет нам признать и работать с текучестями, рассеяниями и переплетениями" [Ло 2015: 89]. При таком подходе определенность уже не выглядела неоспоримой ценностью.

Сам Галли подчеркивал, что споры по поводу сущностно оспариваемых концептов носят субстантивный характер. Он отличал их от неразборчивости в словоупотреблении [Gallie 1955-1956: 180]. Отсюда акцентирование прогрессивного характера дискуссий, углубляющих понимание, несмотря на разногласия. Галли отграничивал дебаты по сущностно оспариваемым концептам от конфликтов интересов или вкусов, априори невосприимчивых к рациональной аргументации [там же: 169]: оспариваемость не означала политизации познания.

Между тем постструктуралисты подчеркивали невозможность исключения властных отношений из процесса выработки знаний (см. в первую очередь [Фуко 1996]). В этой связи Роберт Кокс указывал на то, что "теория всегда существует для кого-то и с какой-то целью" [Cox 1981: 128]. В том числе политическая обусловленность проявляется и на стадии выработки понятийного аппарата, который создает фундамент для последующего анализа. Закрепление предпочтительной терминологии позволяет канализировать научную дискуссию в выгодное русло. Логично ожидать, что политизация будет проявляться особенно явственно в тех случаях, когда затронуты наиболее значимые политические интересы [Ильин 1997: 22-23]. Пример тому дали трудности с выработкой определения терроризма, несмотря на признание потребности в нем [Федянин 1998; Петров 2003]. Терминологизации понятия препятствует использование слова "терроризм" для стигматизации враждебных организаций, движений, лиц[10]. Те случаи, которые одни определяют как террористические, другие характеризуют в терминах борьбы за правое дело.

Иногда политизацию понятий сложно отличить от сущностного оспаривания. Галли и сам содействовал путанице, включив в число показательных

[10] О политическом значении стигматизации см.: [Adler-Nissen 2014].

примеров последнего концепт “демократия”, порождающий жаркие политические диспуты [Gallie 1955-1956: 183-187]. Тем не менее его работа выявила некорректность сведения трудностей в вопросах понятийной определенности исключительно к политической ангажированности. Сущностно оспариваемые концепты не всегда позволяют описать текучие, ускользающие объекты, о которых писал Ло [Ло 2015: 147-217]. Последний указывал на то, что исследователям приходится сталкиваться с неясными, размытыми, изменчивыми явлениями, изучение которых, тем не менее, представляет научный интерес. Их онтологические особенности делают традиционные стандарты понятийной определенности недостижимыми, а игнорирование грозит сохранением лакун в познании.

Показательным решением аналогичной проблемы в юридической практике стало утверждение члена Верховного суда США Поттера Стюарта при рассмотрении спора об отнесении произведения к порнографической продукции. В условиях невозможности дать исчерпывающее определение последней, он заявил, что руководствуется правилом “узнаю, когда вижу” [Gewirtz 1996]. Подобная эмпирицистская стратегия давала прагматический ответ на фундаментальные ограничения языкового отражения реальности.

В такого рода случаях необязательно имеет место сущностное оспаривание, о котором писал Галли. Напротив, специалисты могут демонстрировать высокий уровень конвергенции оценок относительно конкретных примеров, будучи неспособны артикулировать единые генерализируемые критерии демаркации понятия и атрибуты изучаемого явления. В результате им приходится удовлетворяться *сущностно неопределимыми концептами* – языковыми конструктами, не имеющими четкой, общепризнанной дефиниции. Включение в исследования сущностно неопределимых концептов противоречит устоявшимся стандартам научного познания, восходящим к сократической традиции. В этой связи они становятся допустимыми только в отсутствие альтернативы. Признание существования размытых, изменчивых явлений не предоставляет индульгенции от ориентации науки на повышение точности мышления и строгости языка, на преодоление полисемии. Стремление выразить неясное не дает санкции неясно выражаться.

В каждом отдельном случае квалификация концепта как сущностно неопределимого должна опираться на серьезное обоснование. Обширная и продолжительная исследовательская дискуссия относительно определения понятия, так и не давшая общепризнанной дефиниции, не является достаточным доказательством. Более значимый аргумент в пользу сущностной неопределимости – выявление тех характеристик, которые делают изучаемое явление неясным, противоречивым, изменчивым.

Последующий анализ покажет, что иностранное вмешательство во внутренние дела соответствует обозначенному критерию. В результате многочисленные попытки выработать единое определение этого явления так и не привели к терминологизации понятия. Вместе с тем стоит охарактеризовать их эволюцию перед тем, как перейти к обоснованию сущностной неопределимости вмешательства; так мы намерены продемонстрировать, что в литературе сложился широкий консенсус относительно понимания этого концепта при отсутствии общепризнанной дефиниции.

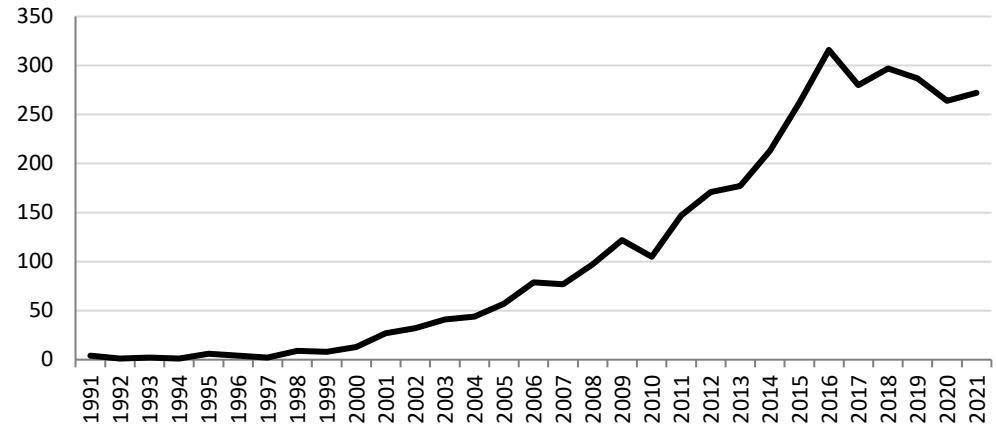
ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА

Анализ наукометрических данных демонстрирует с 1990-х годов взрывной рост обсуждения тематики вмешательства в русскоязычных и англоязычных публикациях (см. рис. 1, 2, разница в хронологических рамках объясняется избирательной индексацией советских публикаций). Между тем приращение знаний относительно этого явления невозможно без конвенционального понимания изучаемого концепта. В настоящем разделе с целью вскрыть очевидные пробелы и разночтения в дефинициях разбираются подходы к определению вмешательства.

Рисунок 1 (Figure 1)

Частотность употребления концепта "вмешательство во внутренние дела" в русскоязычных исследовательских публикациях (1991-2021)

Frequency of use of the concept of "intervention in internal affairs" in Russian-language research publications (1991-2021)

Источник: составлено автором на основе данных *Google Scholar*.

Ганс Моргентау утверждал, что вмешательство во внутренние дела выступает "столь же древним и испытанным инструментом внешней политики, как дипломатическое давление, переговоры или война" [Morgenthau 1967: 425][11]. Вместе с тем ни он, ни другие теоретики долгое время не уделяли внимания выработке определения вмешательства. Представители международно-политических исследований стали предпринимать усилия в этом направлении лишь с конца 1960-х годов.

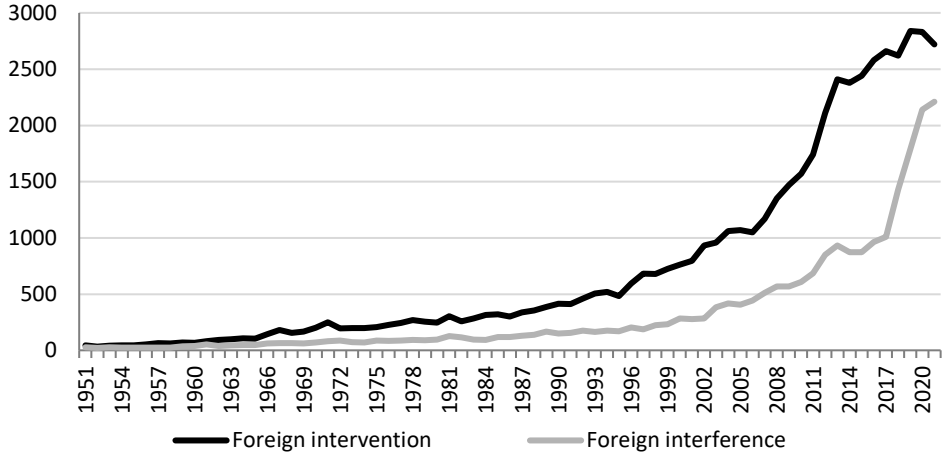
Первенство в попытках определения понятия поделили Джеймс Розенау и Оран Янг, опубликовавшие статьи на страницах посвященного проблеме вмешательства выпуска *Journal of International Affairs* [Rosenau 1968; Young 1968]. При этом оба сетовали на волюнтаризм в использовании концепта, отмечая риски его обессмысливания при чрезмерно расширительных трактовках.

[11] В англоязычных публикациях имеется путаница с соотношением слов *interference* и *intervention*. В ряде случаев последнее охватывает исключительно вооруженные интервенции, но не всегда. Моргентау использует слово *intervention*, но рассматривает примеры как прямого вторжения, так и скрытого воздействия [Morgenthau 1967: 428].

Рисунок 2 (Figure 2)

Частотность употребления концепта "иностранное вмешательство" в англоязычных исследовательских публикациях (1951-2021)[12]

Frequency of use of the concept "foreign intervention" in English-language research publications (1951-2021)

Источник: составлено автором на основе данных *Google Scholar*.

При этом Розенау в своей статье не дал собственно дефиниции вмешательства. Он лишь заключил, что оно охватывает действия, направленные на изменение или сохранение структуры политической власти в стране, а также подразумевает разрыв с устоявшимися формами межгосударственного взаимодействия [Rosenau 1969: 161]. Причем акцент он делал именно на неконвенциональности воздействия и его ограниченности во времени. Для Розенау вмешательство – это обязательно отход от устоявшейся практики.

В свою очередь, Янг понимал вмешательство как "организованные и системные действия трансграничного характера, призванные оказать влияние на политические институты объекта" [Young 1968: 178]. Таким образом, Янг не предъявлял требований ограниченности во времени, в отличие от Розенау. Несмотря на это различие, оба первопроходца соглашались в целевой ориентации вмешательства на структуры политической власти. Кроме того, они никак не характеризовали набор используемых средств воздействия.

Впоследствии подход Розенау оказал более заметное влияние на академические дискуссии, чем работа Янга. В частности, Ричард Литтл в обзоре литературы по вмешательству конца 1980-х годов отмечал, что лишь немногие специалисты в предметной области могли не знать его. Литтл подчеркивал, что он "стал почти столь же известным, как концепция власти Роберта Даля" [Little 1987][13]. Вместе с тем подход Розенау не превратился в общепризнанный, соперничая с альтернативными определениями. Последователем Розенау выступил Джон Винсент, опубликовавший объемное исследование эволюции принципа невме-

[12] Ввиду того, что в английском языке понятие "вмешательство" передается словами *interference* и *intervention*, причем зачастую оба слова используются в одной и той же публикации, простое сложение публикаций с каждым из них дало бы существенные искажения. С учетом этого обстоятельства на графике данные по их употреблению даются раздельно.

[13] См. также [Little 1993].

шательства. Он специально оговаривал, что вмешательство представляет собой "отдельное событие, имеющее начало и конец". Он также соглашался, что оно "нацелено на структуры власти государства-объекта" [Vincent 2016: 13]. При этом Винсент сделал уточнение, которое у Розенау оставалось имплицитным, указывая, что это явление не имеет однозначной юридической квалификации: оно охватывает и нелегальные, и легальные действия.

Между тем Уильям Уолфорт в своей дефиниции никак не оговаривал ограниченность вмешательства во времени[14]. Его определение фокусировалось на "стратегиях, напрямую призванных влиять на внутреннюю политику объекта с целью нанесения ущерба его внешнеполитическим интересам" [Wohlforth 2020: 461]. Тем самым Уолфорт более подробно, по сравнению с Розенау, Янгом и Винсентом, оговаривал предполагаемые выгоды инициатора вмешательства.

Еще одной особенностью подхода Уолфорта стал отказ рассматривать действия, направленные в поддержку правительства, как интервенционистские [ibid.: 463]. Между тем автор статьи ранее отмечал, что понятие "вмешательство" охватывает действия внешних сил как по свержению властей, так и по подавлению оппозиции. Он также указывал на то, что оно необязательно сводится к прямому воздействию на структуру политической власти, охватывая также попытки влияния на государственный курс в отдельных областях [Istomin 2022: 1679].

Перечисленные выше определения концентрировались на политической сути вмешательства без привязки к юридической форме. Другие теоретики, напротив, апеллировали к правовым категориям при выработке своих дефиниций. Например, Хэдли Булл определял вмешательство как "насильственную или принудительную интерференцию внешней стороны или нескольких сторон в юрисдикцию суверенного государства или в более широком смысле независимого политического сообщества" [Bull 1986: 1]. Аналогичным образом Кристиан Реус-Смит понимал вмешательство как "нарушение границ юрисдикции участника [порядка, системы], осуществляемое другим участником порядка в одностороннем порядке или коллективно" [Reus-Smit 2013: 1058]. В отличие от Булла, Реус-Смит стремился в определении уйти от отсылки к суверенитету. Тем самым он добивался распространения понятия вмешательства на политические общности, не основанные на принципе территориальной государственности.

Определение Реуса-Смита, как и дефиниции Розенау или Янга, указывало на деятельную роль субъекта вмешательства. Между тем ряд специалистов рассматривали и бездействие как форму влияния. Манфред Халперн утверждал, что "великая держава вмешивается во внутренние дела других государств, когда говорит 'да' и когда говорит 'нет'; в действительности [вмешивается] самим своим существованием" [Halpern 1968: 41]. Такой подход не получил широкой поддержки ввиду чрезмерного расширения определяемого концепта [Vincent 2016: 10].

Обширный пласт исследований фокусировался на вооруженных интервенциях, отделяя их от других типов воздействия[15]. Такие работы демонстриро-

[14] У. Уолфорт, правда, оперировал понятием "подрывная деятельность" (*subversion*), но рассматривал его как синонимичное вмешательству.

[15] См., например, [Pearson 1974; Van Wingen, Tillema 1980; Tillema 1989; Kowalewski 1991; Finnemore 2004; Peceny, Pickering 2006].

вали, что вовлечение во внутренние дела не всегда нацеливалось на структуры политической власти. Порой оно ставило задачи выбивания задолженности или влияния на курс государства-объекта в отдельной предметной области. Подчеркивая многообразие мотивов применения вооруженной силы, Элизабет Сандерс ввела понятийный оксюморон: "интервенции без вмешательства" [Saunders 2009: 5][16].

Еще в период холодной войны исследователи признавали, что инициатором вмешательства во внутренние дела может быть не только государство, но и игрок иной политической природы [Vincent 2016: 5]. Как следствие, они нередко обходили вопрос субъектности в своих определениях понятия. 1990-е годы были отмечены ростом интереса к негосударственным игрокам и веры в их способность влиять на международную политику, что отразилось и в дефинициях вмешательства.

В частности, Деон Гельденхюз определил его как "целенаправленное действие государства, группы государств, международной организации или какого-то другого международного субъекта (субъектов) по оказанию влияния на политическую систему другого государства (включая структуру политической власти, внутреннюю политику или политическое руководство) против его воли с использованием различных средств принуждения (насильственных и ненасильственных) для достижения специфической политической цели" [Geldenhuys 1998: 6]. При всей многословности эта дефиниция остается малосодержательной, не разъясняя того, кто, зачем и как вмешивается. По сути, Гельденхюз лишь акцентирует принудительный характер вмешательства, который предшествующие исследователи, как правило, подразумевали, но не всегда проговаривали. Инструментализация столь размытого определения связана с трудностями, обусловленными обращением к другим слабо разработанным понятиям, таким как воля государства.

Таким образом, с 1960-х годов теоретики выработали широкий набор определений концепта "вмешательство". В ряде случаев они предпринимали кумулятивные усилия по уточнению дефиниций предшественников, в других – выделяли принципиально различающиеся характеристики явления. Эти попытки не привели к появлению консенсусного термина. Основным изъяном существующих формулировок остается дефицит понятийной ясности. В предлагаемых определениях специалисты опасаются артикулировать кто, зачем, как и на что конкретно оказывает воздействие, а также где проходит граница между вмешательством и иными формами взаимодействий.

ИСТОКИ НЕОПРЕДЕЛИМОСТИ ВМЕШАТЕЛЬСТВА

В предыдущем разделе обобщен опыт разработки определений вмешательства, демонстрирующий многообразие понимания этого явления. Ранее отмечалось, что такое отсутствие понятийной определенности может быть обусловлено как влиянием политических интересов на исследовательский дискурс, так и сущностным оспариванием концепта. Вместе с тем характер описанных дискуссий относительно вмешательства слабо согласуется с обоими этими объяснениями, а явление, описываемое этим концептом, характеризуется неясностью и изменчивостью.

[16] *Intervention without interference* – имеются в виду вооруженные операции, не преследующие задачи повлиять на структуры политической власти или внутриполитический курс государства-объекта.

Приводившиеся в начале статьи примеры демонстрировали, что вмешательство осознается государствами в качестве политической угрозы, а это, в свою очередь, повышает риски политизации ее осмысления. Универсализация негативных оценок вмешательства нашла отражение в серии резолюций Генеральной Ассамблеи ООН[17]. В связи с этим Гельденхюз даже предлагал заменить концепт "вмешательство" на ценностно нейтральное понятие "иностранное политическое вовлечение" (*foreign political engagement*) [Geldenhuys 1998: 65]. Тем не менее предложенный им термин не получил широкого хождения.

При этом в определениях вмешательства, представленных в предшествующем разделе, сложно проследить признаки политической ангажированности. Более того, значительная доля зарубежных специалистов при изучении этого явления опирается преимущественно на эмпирический опыт западных стран, ввиду доступности этих данных[18]. Их подходы к концепту далеки от апологетических. Напротив, ценностная нагруженность скорее проявляется в усилиях по обоснованию контрпродуктивности вмешательства [Downes 2021; Istomin 2022].

Политическая обусловленность концепта "вмешательство" прослеживается в приоритизации государствоцентричной картины мира. Хотя специалисты и признают многообразие инициаторов вмешательства, в качестве объекта влияния, как правило, фигурирует государство[19]. Воздействия со стороны транснациональных субъектов рассматриваются как исключения, что подразумевает привилегированное положение суверенных сущностей. Тем не менее подход Реус-Смита демонстрирует возможность распространения дефиниций вмешательства на детерриториализованные объединения.

Дефицит свидетельств негативного влияния политизации на выработку определения вмешательства в научной литературе побуждает искать причины отсутствия единой, широко признаваемой дефиниции в его онтологической природе. Дискуссии относительно иностранного вмешательства во внутренние дела заметно отличаются от диспутов по поводу явлений, относимых к группе сущностно оспариваемых концептов. Это ставит под сомнение применимость в данном случае рамки, предложенной Галли [Gallie 1955-1956].

В литературе сложился консенсус относительно родовой принадлежности понятия "вмешательство". Специалисты характеризуют его как разновидность осознанного внешнеполитического действия принудительной направленности[20]. В этом отношении вмешательство отличается как от деятельности, предоставляющей блага объекту воздействия, так и от стихийных потоков трансграничного влияния. Пример последних дает демонстрационный эффект экономических или военных успехов государства на другие страны [Owen 2010; Gunitsky 2017].

[17] В первую очередь см. Резолюцию 2131 (XX) ГА ООН от 21 декабря 1965 г. "Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета".

[18] См., например, [Van Wingen, Tillema 1980; Kinzer 2006; Kushi, Toft 2022].

[19] В этой связи показателен отказ от концепта "вмешательство" в формирующейся литературе, посвященной "зонам ограниченной государственности". См. [Risse 2011].

[20] В этом отношении они следуют за обыденным употреблением. Показательно, что словарь Д.Н. Ушакова акцентирует непрошенный, насильственный характер вовлечения в чужие дела при толковании слова "вмешательство".

Меньше согласия в отношении атрибутивных свойств вмешательства. Многие, но не все исследователи выделяют нацеленность на структуры политической власти государства-объекта. Часть специалистов определяет вмешательство как краткое нарушение конвенционального порядка вещей, другие позиционируют его как растянутое во времени явление [Wohlforth 2020]. Дополнительные разногласия вызывает вопрос об оправданности включения формально-юридических критериев в определение вмешательства как категории международно-политической науки. Наконец, наибольшие трудности вызывает отграничение этого явления от других типов внешнеполитического принуждения. Например, даже те специалисты, которые противопоставляют вооруженные интервенции войнам, не дают четких критериев такой демаркации [Finnemore 2004: 8]. Аналогичным образом порой сложно провести разделение между сбором информации о государстве-объекте и вмешательством в его внутренние дела [Wohlforth 2020]. Сложности такой демаркации – обратная сторона недостаточной определенности его сущностных свойств.

Вместе с тем обсуждения концепта "вмешательство" характеризуются сравнительно низким уровнем взаимной критики сторонников различных дефиниций. Они не столько расходятся по существу, сколько указывают на размытость имеющихся подходов. Присутствующие в литературе определения мало похожи на конкурирующие альтернативы, скорее они предстают сменяющимися попытками "подхода к снаряду". Появление новых определений не устраняет ранее выявленных неясностей. Таким образом, основную трудность в использовании этого концепта порождают не разногласия, а недостаточная четкость имеющихся дефиниций. Это положение сохраняется на протяжении длительного времени, несмотря на множественность попыток заполнить имеющуюся лакуну. Анализ причин, подспудно подрывающих усилия исследователей, приводит к предположению о сущностной неопределимости рассматриваемого концепта[21].

Достижению терминологической ясности препятствует ряд обстоятельств, которые редко фигурируют эксплицитно при попытке определить данный концепт. Эти обстоятельства не раз становились предметом политических исследований, а потому не являются неожиданными или случайными. Так, вмешательство предполагает установление четкого разграничения между сферой международного и внутреннего, которое нарушается действием внешнего игрока. Между тем этот рубеж остается проницаемым и размытым. Ни одно политическое образование на протяжении истории не могло полностью оградить себя от транснационального переноса материальных объектов, не говоря уже об идеях. Попытки его регулирования осложняются смешением различных потоков [Jones 2013].

На протяжении нескольких столетий правоведы и практики пытались стабилизировать границу между внешним и внутренним с опорой на концепцию государственного суверенитета. Эти усилия дали ограниченный результат ввиду исторической и ситуативной изменчивости набора функций и ожиданий, приписываемых государству [Weber 1994; Biersteker 1996; Krasner 1999].

[21] Дополнительным подтверждением этой гипотезы стал научный семинар, организованный в рамках настоящего исследования 19 мая 2022 г. в МГИМО. Он собрал коллектив международников, политологов, исследователей, занимающихся вопросами международной информационной безопасности, с целью формирования общего понимания вмешательства. По итогам обсуждения участники не смогли выработать строгую дефиницию.

Соответственно, затруднена выработка универсального понимания того, какие собственно дела относятся к категории внутренних.

Показательно, что даже воздействие на избрание политических лидеров не всегда характеризуется как вмешательство. Так, с 1980-х годов Генеральная Ассамблея ООН принимала резолюции, в которых "торжественно заявляла, что только полное искоренение апартеида и создание нерасового демократического общества, основанного на правлении большинства, посредством полного и свободного осуществления избирательного права всем взрослым населением в единой и неделимой Южной Африке может привести к справедливому и прочному урегулированию взрывоопасной ситуации в Южной Африке"[22]. Парадоксальность примера в том, что эта формулировка фигурировала в резолюциях, посвященных осуждению иностранного вмешательства. Тем самым развивающиеся страны, их инициировавшие, стремились вывести проблему апартеида из числа внутренних. Уже в 1990-х годах на первых всеобщих выборах в ЮАР внешние игроки открыто финансировали кампанию Африканского национального конгресса, отстаивавшего интересы черного населения страны. Партия белого меньшинства не только признала проигрыш по итогам голосования, но даже не опротестовала эту поддержку.

Второй проблемой на пути прояснения концепта "вмешательство" выступает непроясненность истоков политической субъектности. Так, дискуссия относительно того, охватывает ли понятие "вмешательство" случаи внешней поддержки действующих властей, отражает более фундаментальные разногласия касательно того, кто выступает носителем этой субъектности: правительство или общество. В суждениях по этому вопросу также наблюдаются историческая изменчивость и одновременно политические противоречия [Barkin, Cronin 1994].

В случае признания правительства в качестве локуса политической субъектности остается вопрос, могут ли официальные власти совершать нелегитимные действия. Исторический опыт содержит множество примеров того, как действующее руководство страны вступало в сговор с внешними игроками для решения внутренних задач, в том числе подавления оппозиции. Так, в 1947-1948 гг. правоцентристское правительство Италии во главе с Альчиде де Гаспери активно добивалось от Вашингтона помощи в борьбе с коммунистами в ходе предстоящих выборов [Mistry 2006].

Подходы, апеллирующие к суверенитету народа, оставляют непроясненным, вопрос о том, кто и каким образом может выражать его волю. Соответственно действия внешних сил, которые осуждаются частью населения страны, могут вызывать поддержку других ее граждан или элит [Shulman, Bloom 2012; Tomz, Weeks 2020]. Последняя вступает в противоречие с консенсусом о принудительном характере вмешательства. Например, призыв "Да здравствует свободный Квебек!" французского президента Шарля де Голля с балкона мэрии Монреаля в июле 1967 г. вызвал одобрение франкоговорящих и возмущение англоговорящих канадцев[23]. С точки зрения первых, это было выражением солидарности

[22] Уважение принципов национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств в ходе их процессов выборов (A_RES_44_147-RU.pdf). *Объединенные нации. Цифровая библиотека*. https://digitallibrary.un.org/record/82467 (accessed 20.01.2023).

[23] Charles de Gaulle: "Vive le Québec libre!" speech and news coverage (1967). https://www.youtube.com/watch?v=B7PuIi2a8vs (accessed 20.01.2023).

с культурно и исторически близкой нацией, с точки зрения вторых – недопустимым вмешательством в острую внутриполитическую дискуссию.

Наконец, еще один источник неопределенности создает связь политической конкуренции в государстве с курсом, реализуемым правительством, а также социальными и экономическими условиями в стране. В результате перспективы изменения структуры политической власти зависят от множества внутренних условий [De Mesquita et al. 2005], но корректировка курса в отдельной области не всегда влияет на выживаемость правительства. Политика способна пронизывать различные сферы жизни, но соотношение процессов политизации и деполитизации различается от случая к случаю [Филиппова 2018].

Соответственно, попытки очертить область воздействия в рамках определений вмешательства с трудом поддаются универсализации. В узком смысле она включает лишь действия, непосредственно затрагивающие лиц, находящихся у власти (например, политические убийства, перевороты, подкуп на выборах). В широком – включает воздействие на все обстоятельства, меняющие вероятность выживаемости правительства, а также порядок смены руководителей государства и сферу их полномочий. В последнем случае международное взаимодействие в отдельной области слабо отличимо от влияния на структуры политической власти.

Таким образом, трудности в определении вмешательства вытекают не столько из диктата политических интересов или сущностного оспаривания его содержания, сколько из его встроенности в отношения с явлениями, которые остаются неясными, размытыми, изменчивыми. В связи с этим вмешательство оказывается принципиально неопределимым концептом. Отсутствие общепризнанной дефиниции не является следствием ни политизированности исследователей, ни отсутствия консенсуса между ними, ни недостатка усилий по прояснению понятия. Оно определяется спецификой самого объекта изучения.

Заключение

Признание исследовательской легитимности сущностно неопределимых концептов вступает в противоречие с устоявшимися научными стандартами, восходящими к сократической традиции. Вместе с тем оно представляет собой уже не первый случай такого рода ревизии. Напротив, оно вписывается в наметившуюся тенденцию отхода от детерминистских картин мира в пользу изучения стохастических процессов. Причем социальные исследования в данном случае следуют примеру естественных наук, которые исторически рассматривались как более строгие [Алексеева 2017; Гаман-Голутвина 2019].

Наличие текучих и ускользающих объектов представляет двоякий вызов для научного познания. С одной стороны, оно затрудняет применение утвердившихся стандартов и подходов к исследованию, порождая опасность возникновения лакун в изучении реальности. С другой, возникает искушение экономить на выработке терминологии, волюнтаристски относя концепты к разряду сущностно неопределимых. Между тем такая классификация допустима только после исчерпания попыток артикулировать формирующееся в сообществе специалистов консенсусное понимание и требует выявления истоков неясности, размытости, изменчивости изучаемого явления.

Допущение сущностно неопределимых концептов можно поставить в один ряд со становлением такого направления математики, как нечеткая логика, расширившим познавательные возможности науки и позволившим отка-

заться от ряда предшествующих догм (см, например, [Ланге 2018]). При этом допущение неясности в исследованиях не означает уход в методологическую вседозволенность. Более того, предшествующее рассмотрение концепта "вмешательство" выявляет преимущества сущностно неопределимых концептов перед сущностно оспариваемыми.

В отношении первых, в отличие от вторых, имеется широкий консенсус в научном сообществе. Различные исследователи, вовлеченные в обсуждение, разделяют общее понимание явления, даже если они не могут его четко артикулировать. Разногласия по частностям не подрывают фундаментального единства объекта их изысканий. Таким образом, сущностно неопределимые концепты дают основу для прогрессивного развития соответствующих исследовательских программ и приращения знаний о научно значимых явлениях.

С точки зрения политической науки изучение иностранного вмешательства во внутренние дела представляет серьезный интерес. Распространенность этого явления и рост опасений государств в отношении порождаемых рисков определяют практическую востребованность исследовательских разработок данной тематики. При этом размытость фронтиров между внешним и внутренним, субъектным и объектным, политическим и неполитическим переводит вмешательство в категорию сущностно неопределимых в рамках научного дискурса.

Вместе с тем разница в рабочих определениях, используемых отдельными специалистами, необязательно делает результаты их исследований несопоставимыми. Наблюдается значительное пересечение в отношении рассматриваемых эмпирических примеров. Даже в отсутствие общепризнанной дефиниции происходит кумулятивное накопление знаний относительно причин и последствий вмешательства. В связи с этим приоритетную значимость приобретает выявление закономерностей, характеризующих различные формы иностранного воздействия на внутреннюю политику государств.

DOI: 10.17976/jpps/2023.02.09

FOREIGN INTERFERENCE IN INTERNAL AFFAIRS: DECONSTRUCTION OF AN ESSENTIALLY INDETERMINATE CONCEPT

I.A. Istomin[1]

[1] *MGIMO University. Moscow, Russia*

ISTOMIN, Igor Alexandrovich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Lead Research Fellow, MGIMO University, email: i.istomin@inno.mgimo.ru

Istomin, I.A. (2023). Foreign interference in internal affairs: deconstruction of an essentially indeterminate concept. *Polis. Political Studies*, 2, 120-137. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.09

The research was funded by the Russian Science Foundation grant № 22-18-00723, https://rscf.ru/project/22-18-00723/.

Acknowledgements. The author is grateful to Darya Zhabina for his help in preparing the manuscript and to the editors and reviewers for their valuable comments that allowed to improve the manuscript.

Received: 09.12.2022. Accepted: 18.01.2023

Abstract. The surge of anxiety over foreign interference in internal affairs among major powers incites growing scholarly interest in this phenomenon. Since the 2000s, the number of academic publications related to it increased exponentially. However, scholars proved unable to advance a unified, generally accepted definition of the concept of interference. This article aims to reveal the origins of such terminological difficulties. It shows that they arise not so much from politicization and value contestation,

but for fundamental ontological reasons. The concept of "intervention" is embedded in a system of relations with phenomena that themselves remain unclear, blurred and changeable. In this regard, the article places it into a group of essentially indeterminate concepts. Reliance on such notions contradicts the standards of conceptual certainty that go back to the Socratic tradition. Nevertheless, it fits the growing trend in academic research away from deterministic representations of reality. The concept analysis of the notion lays a more solid foundation for subsequent theoretical and applied studies of foreign interference in internal affairs. The article begins with an examination of the urgency of the debate on interference based on official documents and statements from representatives of leading states. Then, it traces the evolution of approaches to the problem of definition in the theory of knowledge. After that, the author systematizes attempts to define intervention in the International Relations literature. This analysis reveals a tacit consensus about the concept among scholars as well as sources of ontological ambiguity. The final section of the article compares the concept of "intervention" with alternative notions that claim to replace it. Such a comparison discloses its strengths and relevance. A study of the literature on interference demonstrates that essentially indeterminate concepts have a number of epistemological advantages over essentially contested ones which previously received recognition in academia. The former, unlike the latter, relies on a broad consensus in the research community. This situation creates a foundation for the successful development of a research program devoted to foreign interference in internal affairs, based upon a constructive scholarly debate.

Keywords: foreign interference, foreign intervention, political warfare, terminological clarity, politization, essentially contested concept, essentially indeterminate concept, foreign imposed regime change.

References

Adler-Nissen, R. (2014). Stigma management in international relations: transgressive identities, norms, and order in international society. *International Organization,* 68(1), 143-176. https://doi.org/10.1017/S0020818313000337

Barkin, J.S., & Cronin, B. (1994). The state and the nation: changing norms and the rules of sovereignty in international relations. *International Organization,* 48(1), 107-130. https://doi.org/10.1017/S0020818300000837

Biersteker, T.J. (Ed.). (1996). State sovereignty as social construct. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511598685

Bull, H. (1986). Introduction. In: H. Bull (Ed.), *Intervention in World Politics* (pp. 1-6). Oxford: Oxford University Press.

Collier, D., Hidalgo, F.D., & Maciuceanu, A.O. (2006). Essentially contested concepts: debates and applications. *Journal of Political Ideologies,* 11(3), 211-246. https://doi.org/10.1080/13569310600923782

Cox, R.W. (1981). Social forces, states and world orders: beyond international relations theory. *Millennium,* 10(2), 126-155. https://doi.org/10.1177/03058298810100020501

De Mesquita, B.B., Smith, A., Siverson, R.M., & Morrow, J.D. (2005). The logic of political survival. Cambridge: The MIT Press.

Downes, A.B. (2021). Catastrophic success: why foreign-imposed regime change goes wrong. Ithaca: Cornell University Press.

Finnemore, M. (2004). The purpose of intervention: changing beliefs and the use of force. Ithaca: Cornell University Press.

Gallie, W.B. (1955-1956). Essentially contested concepts. *Proceedings of the Aristotelian Society. New Series,* 56, 167-198. https://www.jstor.org/stable/4544562

Geldenhuys, D. (1998). Foreign political engagement: remaking states in the post-cold war world. London: Palgrave Macmillan.

Gellner, E. (1967). The concept of a story. *Ratio,* 9(1), 49-66.

Gewirtz, P. (1996). On "I know it when I see it". *The Yale Law Journal,* 105(4), 1023-1047. https://www.jstor.org/stable/797245

Gunitsky, S. (2017). Aftershocks: great powers and domestic reforms in the twentieth century. Princeton: Princeton University Press. https://doi.org/10.23943/princeton/9780691172330.001.0001

Halpern, M. (1968). The morality and politics of intervention. In R.A. Falk (Ed.), *The Vietnam War and International Law. Vol. 1* (pp. 39-78). Princeton: Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9781400885909-005

Istomin, I. (2022). How not to interfere in another country's domestic politics. *International Affairs,* 98(5), 1677-1694. https://doi.org/10.1093/ia/iiac191

Jones, L. (2013). Sovereignty, intervention, and social order in revolutionary times. *Review of International Studies,* 39(5), 1149-1167. https://doi.org/10.1017/S0260210513000259

Kekes, J. (1977). Essentially contested concepts: a reconsideration. *Philosophy and Rhetoric,* 10(2), 71-89.

Kinzer, S. (2006). Overthrow: America's century of regime change from Hawaii to Iraq. New York: Times Books, Henry Holt and Company.

Kowalewski, D. (1991). Core intervention and periphery revolution, 1821-1985. *American Journal of Sociology,* 97(1), 70-95. https://doi.org/10.1086/229740

Krasner, S.D. (1999). Sovereignty: organized hypocrisy. Princeton: Princeton University Press.

Kushi, S., & Toft, M.D. (2022). Introducing the military intervention project: a new dataset on us military interventions, 1776-2019. *Journal of Conflict Resolution*. https://doi.org/10.1177/00220027221117546

Little, R. (1987). Revisiting intervention: a survey of recent developments. *Review of International Studies,* 13(1), 49-60. https://doi.org/10.1017/S0260210500113774

Little, R. (1993). Recent literature on intervention and non-intervention. In I. Forbes, & M. Hoffman (Ed.). *Political Theory, International Relations, and the Ethics of Intervention* (pp. 13-31). London: Palgrave Macmillan.

Mistry, K. (2006). The case for political warfare: strategy, organization and US involvement in the 1948 Italian election. *Cold War History*, 6(3), 301-329. https://doi.org/10.1080/14682740600795451

Morgenthau, H.J. (1967). To intervene or not to intervene. *Foreign Affairs,* 45(3), 425-436. https://doi.org/10.2307/20039247

Owen IV, J.M. (2010). The clash of ideas in world politics: transnational networks, states, and regime change, 1510-2010. Princeton: Princeton University Press.

Pearson, F.S. (1974). Foreign military interventions and domestic disputes. *International Studies Quarterly,* 18(3), 259-290. https://doi.org/10.2307/2600156

Peceny, M., & Pickering, J. (2006). Can liberal intervention build liberal democracy? In T.D. Mason, & J.D. Meernik (Ed.), *Conflict prevention and peace-building in post-war societies* (pp. 146-164). London: Routledge.

Reus-Smit, C. (2013). The concept of intervention. *Review of International Studies,* 39(5), 1057-1076. https://doi.org/10.1017/S0260210513000296

Risse, T. (Ed.). (2011). Governance without a state? Policies and politics in areas of limited statehood. New York: Columbia University Press.

Rosenau, J.N. (1968). The concept of intervention. *Journal of International Affairs,* 22(2), 165-176. https://www.jstor.org/stable/24356536

Rosenau, J.N. (1969). Intervention as a scientific concept. *Journal of Conflict Resolution,* 13(2), 149-171. https://doi.org/10.1177/002200276901300201

Saunders, E.N. (2009). Transformative choices: leaders and the origins of intervention strategy. *International Security,* 34(2), 119-161. https://doi.org/10.1162/isec.2009.34.2.119

Shulman, S., & Bloom, S. (2012). The legitimacy of foreign intervention in elections: the Ukrainian response. *Review of International Studies*, 38(2), 445-471. https://doi.org/10.1017/S0260210512000022

Tillema, H.K. (1989). Foreign overt military intervention in the nuclear age. *Journal of Peace Research,* 26(2), 179-196. https://doi.org/10.1177/0022343389026002006

Tomz, M., & Weeks, J.L.P. (2020). Public opinion and foreign electoral intervention. *American Political Science Review,* 114(3), 856-873. https://doi.org/10.1017/S0003055420000064

Van Wingen, J., & Tillema, H.K. (1980). British military intervention after world war ii: militance in a second-rank power. *Journal of Peace Research*, 17(4), 291-303. https://doi.org/10.1177/002234338001700402

Vincent, R.J. (2016). Nonintervention and international order. Princeton: Princeton University Press.

Weber, C. (1994). *Simulating sovereignty: intervention, the state, and symbolic exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wohlforth, W.C. (2020). Realism and great power subversion. *International Relations,* 34(4), 459-481. https://doi.org/10.1177/0047117820968858

Young, O.R. (1968). Intervention and international systems. *Journal of International Affairs,* 22(2), 177-187. https://www.jstor.org/stable/24356537

Alekseeva, T.A. (2017). Theory of international relations in the mirrors of "scientific pictures of the world": what's next? *Comparative Politics Russia,* 8(4), 30-41. (In Russ.) https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41

Aristotle. (2016). Metafizika [Metaphysics]. Moscow: EKSMO. (In Russ.)

Bartenev, V.I. (2018). Intervention in the domestic affairs: questioning definitions. *Moscow University Bulletin of World Politics,* 10(4), 79-108. (In Russ.)

Demyankov, V.Z. (2015). Common concepts and scientific notions. *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya: Sbornik nauchnykh trudov k yubileyu G.G. Molchanovoi.* [Language. Culture. Translation. Communication: Collection of Scientific Papers for the Anniversary of G.G. Molchanova]. Moscow: Tezaurus. P. 34-37. (In Russ.) http://www.infolex.ru/elibrary_29135959.pdf

Dushin, O.E. (2005). Dispute about universals: the epistemological horizons of scholastic discourse. *Logiko-Filosofskie Studii,* 3, 300-317. (In Russ.) https://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/155/156

Fedyanin, V.Yu. (1998). Challenges in developing a universal definition of terrorism. *Moscow Journal of International Law,* 1, 12-28. (In Russ.) https://doi.org/10.24833/0869-0049-1998-1-12-28

Foucault, M. (1996). *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth: beyond knowledge, power, and sexuality. Works of different years]. Moscow: Kastal Magisterium. (In Russ.)

Gaman-Golutvina, O.V. (2019). Overcoming methodological differences: the debate about knowledge politics in an age of uncertainty. *Polis. Political Studies,* 5, 19-42. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03

Ilyin, M.V. (1997). *Slova i smysly: opyt opisaniya klyuchevykh politicheskikh ponyatii* [Words and meanings: experience in exploring key political concepts]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Ilyin, M.V. (2004). Servitore dei Due Padroni (At the intersection of the competences of political science and international studies). *Polis. Political Studies,* 5, 120-130. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2004.05.13

Lange, F. (2018). Fuzzy Logic. (Russ. ed.: Lange, F. Nechetkaya logika. Saint Petersburg: Strata).

Latour, B. (2013). Science in action: how to follow scientists and engineers through society. (Russ. ed.: Latour, B. Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva. Saint Petersburg: EU SPB Press).

Law, J. (2015). After method: mess in social science research. (Russ. ed.: Law, J. Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka. Moscow: Gaidar Institute Press).

Lebedeva, M.M., & Melville, A.Yu. (1999). Comparative political science, world politics, international relations: development of the subject spheres. *Polis. Political Studies,* 4, 130-140. (In Russ.)

Ledyaev, V.G. (2003). On "essential contestability" of political notions. *Polis. Political Studies,* 2, 86-95. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2003.02.07

Petrov, K.E. (2003). Structure of the "terrorism" concept. *Polis. Political Studies,* 4, 130-141. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2003.04.12

Philippova, L.E. (2018). "Politicization" vs "depoliticization": the search for alternative strategic projects and possibilities of political field structuring. *Political Science (RU),* 2, 95-115. (In Russ.)

Russel, B. (1999). The philosophy of logical atomism [with discussion]. (Russ. ed.: Russel, B. Filosofiya logicheskogo atomizma. Tomsk: Vodolei).

Wittgenstein, L. (2018a). Tractatus Logico-Philosophicus. (Russ. ed.: Wittgenstein, L. Logiko-filosofskii traktat. Moscow: AST).

Wittgenstein, L. (2018b). Philosophical Investigations. (Russ. ed.: Wittgenstein, L. Filosofskie issledovaniya. Moscow: AST).

Литература на русском языке

Алексеева Т.А. 2017. Теория международных отношений в зеркалах "научных картин мира": что дальше? *Сравнительная политика*. Т. 8. № 4. С. 30-41. https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41. EDN: YPMDMC

Аристотель. 2016. Метафизика. М.: ЭКСМО.

Бартенев В.И. 2018. Вмешательство во внутренние дела: спор о дефиниции. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. Т. 10. № 4. С. 79-108. EDN: IGNXTT.

Витгенштейн Л. 2018a. Логико-философский трактат. М.: АСТ.

Витгенштейн Л. 2018b. Философские исследования. М.: АСТ.

Гаман-Голутвина О.В. 2019. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 19-42. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03. EDN: VCXQCS.

Демьянков В.З. 2015. Обыденные концепты и научные понятия. *Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Сб. научных трудов к юбилею Г.Г. Молчановой*. М.: Тезаурус. С. 34-37. http://www.infolex.ru/elibrary_29135959.pdf. EDN: YPKJXD.

Душин О.Э. 2005. Спор об универсалиях: эпистемологические горизонты схоластического дискурса. *Логико-философские штудии*. № 3. С. 300-317. https://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/155/156

Ильин М.В. 2004. Слуга двух господ (О пересечении компетенций политической науки и международных исследований). *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 120-130. https://doi.org/10.17976/jpps/2004.05.13. EDN: HUWENX.

Ильин М.В. 1997. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН.

Ланге Ф. 2018. Нечеткая логика. СПб.: Страта.

Латур Б. 2013. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. 1999. Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 130-140. EDN: ESCRGP.

Ледяев В.Г. 2003. О сущностной оспариваемости политических понятий. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 86-95. https://doi.org/10.17976/jpps/2003.02.07. EDN: ESCWUV.

Ло Дж. 2015. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара.

Петров К.Е. 2003. Структура концепта "терроризм". *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 130-141. https://doi.org/10.17976/jpps/2003.04.12. EDN: ESCXKP.

Рассел Б. 1999. Философия логического атомизма. Томск: Водолей.

Федянин В.Ю. 1998. Проблемы выработки универсального определения терроризма. *Московский журнал международного права*. № 1. С. 12-28. https://doi.org/10.24833/0869-0049-1998-1-12-28. EDN: EBVUCA.

Филиппова Л.Е. 2018. "Политизация" vs "деполитизация": поиск альтернативных стратегических проектов и возможности структурирования политического поля. *Политическая наука*. № 2. С. 95-115. EDN: XVAKGD.

Фуко М. 1996. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь Магистериум.